

RU

Лингвистические взгляды А. Ф. Вельтмана в контексте культурно-языковой ситуации 1830-1840-х годов

Павлов Т. В., Чапаева Л. Г.

Аннотация. Лингвистические взгляды А. Ф. Вельтмана до сих пор не получили полного и объективного описания. Цель исследования: выявить лингвистические взгляды А. Ф. Вельтмана в контексте идеологических споров эпохи и определить отношение Вельтмана к маркированным элементам, лежащим в основе лингвистических споров о составе русского литературного языка, таких как славянизмы, народный язык, заимствования, репрезентирующим базовые лингвокультурологические оппозиции в языке: свое ~ чужое, старое ~ новое. Научная новизна исследования состоит в том, что тексты А. Ф. Вельтмана с языковой точки зрения и с точки зрения его рефлексии по отношению к языку недостаточно исследованы. В статье впервые рассматриваются некоторые аспекты лингвистических взглядов писателя, в частности его отношение к маркированным элементам русского литературного языка. В результате исследования, во-первых, выявлены лингвистические взгляды А. Ф. Вельтмана в отношении к базовым оппозициям культуры. Свое, старое и прошлое, как в культуре, так и в языке, для писателя в приоритете как отражение национального, русского и в целом славянского. Во-вторых, определено отношение Вельтмана к маркированным языковым элементам. Народный язык Вельтман воспринимает как неотъемлемую часть русского языка, свободно вводит диалектизмы и просторечия в художественный текст. Что касается отношения к славянизмам и церковнославянскому языку, позицию писателя выявить не удается, скорее всего, он не воспринимал его как самостоятельную языковую систему в историческом прошлом. К заимствованиям из европейских языков Вельтман относится отрицательно. В-третьих, частная лингвокультурологическая оппозиция пространство и время у Вельтмана представлена в идеализации прошлого, давнего, в связи с этим и древнему русскому языку (понимаемому им достаточно широко) отдается предпочтение.

EN

A. F. Veltman's linguistic views in the context of the cultural and linguistic situation of the 1830s-1840s

T. V. Pavlov, L. G. Chapaeva

Abstract. The linguistic views of A. F. Veltman have not yet received a comprehensive and objective description. This research aims to identify Veltman's linguistic views within the context of the ideological disputes of the era and to determine his stance on the marked elements that formed the basis of linguistic debates concerning the composition of the Russian literary language – such as Slavisms, the folk language, and borrowings. These elements represent fundamental linguacultural oppositions in the language: “self vs. other” and “old vs. new”. The scientific novelty of the study lies in the fact that Veltman's texts remain insufficiently explored from both a linguistic perspective and in terms of his metalinguistic reflection. This article is the first to examine specific aspects of the writer's linguistic views, particularly his attitude toward marked elements of the Russian literary language. The study yielded several key results. First, Veltman's linguistic views were identified in relation to fundamental cultural oppositions; for the writer, “one's own”, “the old”, and “the past” – in both culture and language – take priority as reflections of the national, Russian, and broadly Slavic identity. Second, the study determined Veltman's attitude toward marked linguistic elements: he perceived the folk language as an integral part of Russian, freely incorporating dialectisms and colloquialisms into his literary works. Regarding his stance on Slavisms and the Church Slavonic language, a clear position could not be identified; he likely did not view Church Slavonic as an independent linguistic system in the historical past. He maintained a negative attitude toward borrowings from European languages. Third, the specific linguacultural opposition of “space and time” in Veltman's work is manifested through the idealization of the distant past; consequently, preference is given to the ancient Russian language (interpreted by him quite broadly).

Введение

Актуальность исследования связана с возросшим в последнее время интересом к творчеству Вельтмана как литературоведов, так и лингвистов, с недостаточно проясненной позицией Вельтмана как по отношению к литературному процессу эпохи, так и к литературному языку. Анализ языковых особенностей стиля писателя требует определения его места в той культурно-языковой ситуации, в которой он творил. Кроме того, в настоящее время ведется работа по составлению словаря русского языка XIX века, и важная роль писателя в обогащении литературного языка данной эпохи должна быть учтена.

В связи с заявленной целью поставлены следующие задачи: 1) кратко охарактеризовать лингвистические концепции славянофилов и западников; 2) выявить позицию писателя в реагировании на базовые оппозиции культуры: *свое ~ чужое, старое ~ новое, прошлое ~ настоящее, пространство и время*; 3) определить отношение Вельтмана к тем маркированным элементам, которые легли в основу лингвистических споров славянофилов и западников: *славянизмы, народный язык, заимствования*.

В соответствии с поставленными задачами используется лингвокультурологический подход к анализу культурно-языковой ситуации 1830-1840-х гг., что позволяет охарактеризовать лингвистические споры того времени как важнейший факт русской культуры. Контекстуальный метод исследования направлен на поиск и анализ высказываний Вельтмана и исследователей его творчества о лингвистических взглядах писателя, о его отношении к церковнославянскому, древнерусскому и современному ему русскому языку; учитывается также текстологический анализ, который позволяет увидеть конкретную реализацию его лингвистических установок в художественном стиле, в частности его исторических романов, где широко представлены те маркированные элементы, о которых шла дискуссия.

Теоретической базой исследования стали работы В. В. Виноградова (1959; 1982), охарактеризовавшего развитие литературного языка XIX в. и вопросы, связанные с языком художественной литературы; статья Б. Я. Бухштаба (1926), который первым исследовал язык Вельтмана; языковые особенности Вельтмана частично затрагиваются в докторской диссертации Г. Ю. Завгородней (2010). В последние десятилетия лингвисты не уделяли внимания писателю, можно привести статью А. Г. Лейтуш (2023), лишь косвенно связанную с задачами нашего исследования.

Материалами послужили статьи и романы писателя (Вельтман, 1833a, 1833b; 1833c; 1840; 1864), в которых отражается его позиция по отношению к маркированным элементам русского литературного языка, вызывавшие разную реакцию у славянофилов и западников, что и определяло во многом их лингвистические концепции.

Практическая значимость работы: 1) материалы исследования могут быть использованы в курсах по теории и истории русского литературного языка, исторической стилистике, в спецкурсах и спецсеминарах по историко-лингвистическому направлению; 2) а также материалы могут быть полезны при написании работ по творчеству А. Ф. Вельтмана.

Обсуждение и результаты

Культурно-языковая ситуация 30-40-х годов XIX в. представляет собой важнейший период как в истории русской мысли, так и в истории русского литературного языка, одним из движущих элементов ее развития стала дискуссия славянофилов и западников. В этой дискуссии по-разному оказались проявлены базовые культурологические и лингвистические оппозиции русского национального сознания и, в частности, вопросы, связанные с русским литературным языком. Языковая рефлексия славянофилов и западников по отношению к русскому языку касается в основном маркированных единиц – славянизмов, просторечия (народного языка) и заимствований. Базовыми оппозициями в противостоянии славянофилов и западников оказываются: *свое ~ чужое, ложное ~ истинное, прогрессивное ~ реакционное, старое ~ новое, прошлое ~ настоящее*. Некоторые оппозиции (*старое ~ новое* и *свое ~ чужое*) оказываются взаимосвязанными настолько, что могут подменять друг друга. Например, *своим* для одних предстает *старое, старинное*, а *чужим* – *новое, западное*; для других *своим* окажется *новое, общечеловеческое, прогрессивное*. Частная оппозиция возникает по отношению к таким категориям, как *пространство и время*. Она отражает разное отношение к прошлому в целом, к прошлому состоянию русского языка, к роли фольклора в его составе. При этом «*старое*» противопоставлено не любому *настоящему*, а только тому *новому* в нем, что «занято» у Запада. В народной жизни настоящее является продолжением и сохранением идеального *прошлого*: «Все настоящее, в нравственном быту народа, коренится на прошедшем <...> причина современному глубоко погружена в недрах исторического развития народа», – уточняет Ф. И. Буслаев (1959, с. 44). Подробнее о языковой рефлексии и лингвистических взглядах славянофилов и западников сказано в работах Л. Г. Чапаевой (2008; 2019).

Исследователи творчества А. Ф. Вельтмана высказывают противоречивые мнения как о его лингвистических взглядах, так и о культурологических. А. А. Чумаченко отмечает, что «Вельтман соблюдал нейтралитет в литературной борьбе западников и славянофилов» (1996, с. 115). В. В. Калугин, упоминая публикацию романа Вельтмана «Новый Емеля, или Превращения», пишет, что «выход романа совпал со временем наиболее острых споров между западниками и славянофилами, что также далеко не способствовало его пониманию, поскольку ни те, ни другие не могли назвать Вельтмана выразителем своих взглядов. Западники считали его славянофилом, славянофилы – западником, но он не примыкал ни к тем, ни к другим» (Калугин, 1985, с. 16-17).

По мнению Ю. М. Акутина, «социально-философские взгляды Вельтмана получили субъективную и противоречивую оценку у современников. Западники обвиняли его в славянофильстве, а славянофилы – в западничестве» (Акутин, 1977, с. 272). О. Н. Щалпегин достаточно категорично считает, что «по политическим взглядам он был истинным консерваторм, убежденным монархистом» (1999, с. 10) и безусловно причисляет его к славянофилам. Оценка идеологической позиции Вельтмана важна для понимания его лингвистических установок, так как в спорах между славянофилами и западниками вопросы языка, его истории, его состава в современную им эпоху считались настолько важными, что ни одна критическая статья, касавшаяся творчества какого-либо писателя, не обходилась без языковедческих рассуждений.

Действительно, А. Ф. Вельтман нигде прямо не высказывался в поддержку славянофильских или западных идей как в культурологическом, так и в лингвистическом отношении; вероятно, его идеологические взгляды были неопределенными, поскольку это все было не очень важно для него. Например, в молодости и начале 30-х гг. он посещал субботние вечера, отличавшиеся не дворянским, а, скорее, демократическим характером, у Н. С. Селивановского в Москве, где бывали будущие представители разных идеологических лагерей: В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, Н. А. Полевой, М. С. Щепкин (Галахов, 1999, с. 394), а позднее, как известно, служил в славянофильском журнале «Москвитянин».

Попробуем понять по высказываниям самого Вельтмана его отношение к базовым лингвокультурологическим оппозициям, определявшим позиции спорящих сторон и раскрывавшим их лингвистические концепции. В его понимании *своим* оказывается все *русское* и *славянское* (древнерусский язык, областной язык, язык фольклора, славянские языки), а также *древнескандинавское* (общая история и мифология у славян и скандинавов, по мнению Вельтмана) и *древнеиндийское* (например, санскрит, он считал его праязыком и для славян): «Но, на права Славяно-Русского языка и на родовую собственность всѣхъ основныхъ словъ врядъ ли посягнуть какой бы то ни было изъ древнихъ Европейскихъ языковъ. Всѣ основныя слова, выражающія существенныя потребности жизни, и именно: существованія, Богопознанія, родства и семейности, возрастовъ, чувствъ, свойствъ, времени, стихій, пищи, движенія, величины, количества и мѣстоименій, такъ сходны съ языкомъ санскритскимъ (*деванагари* – языкомъ боговъ, священнымъ), что ни Латинскій, ни Греческій, ни Готскій не заключаютъ въ себѣ подобнаго кореннаго родства съ однимъ изъ древнѣйшихъ языковъ, развившихся отъ началъ стихійныхъ» (Вельтман, 1840, с. 41). В религиозном плане *свое* – в первую очередь православие, в этом вопросе он вполне сходен со славянофилами, для которых православие находится в центре их идеологических построений. Опираясь на мнение пражского профессора Юнгмана, Вельтман считал, что «славяне изъ отчины своей Индіи вынесли и свое письмо; но что оно истреблено католическими священниками» (1840, с. 35-36). И, например, к славянам-католикам (полякам) он относится негативно, например, пан Воймир, носитель польско-литовской культуры, в романе «Кощей бессмертный» предстает отрицательным персонажем. Таким образом, *православие* ~ *католицизм* создают и оппозицию *внутреннее пространство* ~ *внешнее пространство*.

Вельтман называет «патриархализм» и «религиозность» как те свойства, которые позволили уже в древнюю эпоху могучему и развитому славянскому языку легко перенять Священное писание: «Духомъ и смысломъ вѣрованія обусловливаются быть или гражданство и языкъ народа» (Вельтман, 1864, с. 9), «Славянскія племена болѣе прочихъ сберегли въ себѣ семя патриархализма» (Вельтман, 1840, с. 16). Как замечал Ягич, и славянофилы были «обожателями древнерусского консервативного склада жизни (православною патриархальностью называл это направление Грановскій)» (2003, с. 457).

Понимание *своего* коррелирует с категорией *старое*, потому что к нему принадлежит все *древнерусское* и *фольклорное*. В целом отношение к фольклору сближает Вельтмана не столько с позицией славянофилов, сколько с позицией А. А. Шишкова, хотя именно славянофилы начали заниматься сбором и публикацией русских фольклорных жанров. На самом деле приверженность шишковистов к *старому* языку (во многом это церковнославянский) подразумевала в первую очередь внимание и интерес к историческому прошлому русского народа, к древним книжным памятникам, сохранившим, по их мнению, «чистый» и «красивый» язык. Для Вельтмана (1840, с. 68) фольклор выше письменной литературы, так как она возникла на самых ранних этапах становления человечества, недалеко еще ушедшего от «золотого века» общения с богами. Исследователь А. А. Грачева, занимаясь архивами Вельтмана, приводит слова Вельтмана в одном из писем, где речь идет о переводе «Слова о полку Игореве»: раньше «деятельность памяти», по мнению Вельтмана, заменяла письменность: «Бумага терпит все, а память не терпела того, что не согласовалось с истиной и с истинным восторжением души» (2015, с. 77). Истоками фольклора и его языка является «патриархализм народов», когда «чистая кровь родства не охладѣла отъ смѣшенія и гдѣ чувства любви къ Божеству, къ родной землѣ и къ своему ближнему не изсякли отъ притворныхъ излияній» (Вельтман, 1840, с. 70).

В раскрытии базовых лингвокультурологических оппозиций *прошлое* ~ *настоящее* важную роль играют категории *пространства* и *времени*. «*Пространство* и *время* как категории мифологического сознания существуют в неразрывном единстве, являясь важнейшими концептами языковой картины мира» (Чапаева, 2019, с. 65). Для славянофилов категория времени важнее категории пространства, поэтому Древняя Русь – идеал, форма бытия, в которой содержались некие первоначальные, исконные черты и свойства не только русского миропонимания, но и русского языка. Поэтому для них важно это старое время, к которому, не в буквальном смысле, нужно вернуться, сохранить то исконное, русское, которое под влиянием Запада может в современности раствориться, утратиться. Такое же мифологическое мышление отражается и в исторических романах Вельтмана, где наблюдается синтез исторического и фантастического, сказочного, фольклорного.

Таким образом, категория времени реализуется в культурологической оппозиции *прошлое ~ настоящее*, отражая более общее противопоставление *старого и нового*. Славянофилы и западники предлагают противоположные смысловые интерпретации одних и тех же исторических периодов. В частности, они по-разному оценивали деятельность Петра Первого: славянофилы полагали, что он нарушил естественный ход русской истории, а западники оценивали деятельность Петра как новаторскую, которая привела к тому, что Россия стала частью общемировой истории. И здесь косвенно славянофильскую позицию Вельтмана подтверждает замечание А. Д. Галахова о споре Вельтмана с Н. А. Полевым о «сравнительном значении Петра I и Екатерины II. Вельтман восхвалял Екатерину за ее гуманные идеи» и меньшее значение придавал роли Петра (Галахов, 1999, с. 142). Вельтман не только идеализирует прошлое в исторических романах «Кощей бессмертный» и «Светославич, вражий питомец», но и ведет рассказ о нем с использованием «прошлого» языка, включая в текст романов как архаичные лексемы, так и архаичные формы, синтаксические конструкции, пытаясь передать фонетико-орфоэпические особенности древнерусского языка.

Отношение Вельтмана к славянизму. Важным следствием развития идей шишковистов явилось то, что уже в начале XIX в. церковнославянский, но именно древний, и архаичный русский воспринимались как некая единая, древняя, но плодотворная языковая система. И если к современному церковнославянскому языку Вельтман отношения никак не проявлял, то в его древнем состоянии, отраженном в старых текстах, где церковнославянский и древнерусский подчас невозможно разделить, он воспринимал этот древний письменный язык как важное наследие русской культуры, включая в него и язык русского (а шире – славянского) фольклора. При этом чрезмерная «славенщина», отличавшая Шишкова, в текстах Вельтмана отсутствует. Кроме того, древний славянский язык воспринимается в единстве не только русского и церковнославянского, но и многих других славянских языков, преимущественно южных и в некоторой степени западных. В языке исторических романов обнаруживаются, например, заимствования из сербского (*гибаница, грозница, погачь, прозорье*) и болгарского (*божикъ, размирникъ*) языков, происходит расширение семантики русских слов за счет заимствования значений из славянских языков, например, слова *кметъ*, в примечаниях Вельтман указывает источник на сербском языке: «родъ сельскихъ сотниковъ или десятскихъ. “Што је Оборъ-кнез од Кнежине, тако су Кметови од села” Даница 1827» (Вельтман, 1833а, с. 244); заимствование как целых фрагментов, так и отдельных слов (например, *въчина, выповьдать, кравица, между-собу, шира* и др.) из западнославянских Краледворской и Зеленогорской рукописей. В этом отношении к славянским языкам как к своему, родному, можно увидеть зачатки его будущего панславизма. Кстати, также относился к славянским языкам Н. И. Надеждин, предлагавший пополнять словарь русского языка заимствованиями из сербского языка (Чапаева, 2016).

Но в целом славянизмы как часть древнего, архаичного языкового фонда наряду с древнерусизмами важны как катализатор отношения к духовным ценностям русской культуры, связанным с историей ее допетровского существования. «Бытовой древнерусский словарь как бы опрокидывается на голову читателя, очень часто без всяких толкований, как воспоминание или наваждение экзотического давнего русского языка. При этом писатель вовсе не заботится о том, чтобы дать понятие о вещах как о материальной основе и связи человеческих действий, его увлекала самая новизна и неизвестность имен, “игра” с непривычными, как бы “чужими” словами» (Виноградов, 1959, с. 571).

И Вельтмана, как и славянофилов, в целом национальное (славянское) интересует больше, чем общечеловеческое. В концепции славянофилов, как и сторонников официальной народности, церковнославянский язык является органической частью русского книжного и старого языка, входя в культурологическую оппозицию *старое ~ новое*. «Въ 9-мъ столетіи Славянскій языкъ былъ уже столько могучъ и полонъ разума, что въ состояніи былъ воспріять все величіе и духъ священнаго писанія, не заимствуясь ни чѣмъ, кромѣ именъ религиозныхъ, непереводаемыхъ; и, слѣдовательно, для этого необходимо было, чтобъ изустный языкъ Сла[в]янскій отразилъ уже въ себѣ всѣ фазы бытія и разума» (Вельтман, 1840, с. 14-15). И это *старое* было гораздо чище того письменного языка, который формировался в более позднее время, как известно, пережив две sprawy, отдалившие его от живого русского языка. «Сравните слово о полку Игоревѣ съ звуками настоящаго Русскаго языка; вашъ слухъ замѣтитъ близкое родство между ними. Кто жъ искажилъ эту чистую, гордую породу языка, какимъ-то дикимъ, грубымъ, ложнымъ славянизмомъ, послѣдующихъ столѣтій до вѣка 19-го?» (Вельтман, 1833b, с. IV). «Склонность Вельтмана к архаике особенна: его манила живая стихия древнерусского языка, а не казенный славянизированный стиль недавнего прошлого» (Павлов, 2024, с. 244).

Отношение Вельтмана к заимствованиям. Предварительно стоит заметить, что споры о заимствованиях в 1830-1840-х гг. «происходят не столько между славянофилами и западниками, сколько между западниками и пуристами типа Шевырева, превращающих спор об отдельных словах в идеологическую и политическую оппозицию. В позициях славянофилов и западников относительно заимствований, скорее, больше сходства, чем различий» (Чапаева, 2019, с. 244). Тем не менее, славянофилы и сторонники официальной народности новые заимствования из западноевропейских языков воспринимали негативно, особенно те, что касались идеологических и философских категорий. Отрицательно к чужому, западноевропейскому, относился и Вельтман: он считал, что после первого периода развития литературы, «изустной», наступает второй, период подражания. И опасен он тем, что народ в это время «живетъ чужимъ умомъ» и может «забыть свое доброе, и къ своему недоброму перенять все чужое зло» (курсив Вельтмана. – Л. Ч.) (Вельтман, 1840, с. 10). Языки, «произшедшія отъ мертваго Латинскаго», развиваются за счет заимствований (принимают «чужие

слова») (Вельтман, 1840, с. 14). «Невозможно выразиться безпристрастно на счет Французскаго, Английскаго и прочихъ языковъ Латинскаго поколѣнія: это кустарники возникшіе на пнѣ огромнаго дерева. Въ Европѣ только двѣ семьи языковъ, которые могутъ гордиться своей породой: семья Готическая и Славянская. Они сохранили сердцевину и сокъ своихъ корней; а слѣдовательно и всю силу жизни и плодотворности» (Вельтман, 1840, с. 12); а «общины Греціи и Рима, какъ скороспѣлые плоды, дали понятіе о вкусѣ, но были жертвами червоточи» (Вельтман, 1840, с. 45-46).

Любопытно, что греческий по «удаленности от корней» Вельтман сближает с латинским, т. е. у него нет идей о близости греческой и славянской культур несмотря на связь восточного православия и греческой Византии. Таким образом, в оценке современных европейских языков позиция Вельтмана вполне славянофильская, он даже отрицает роль чужого греческого языка в образовании церковнославянского как языка христианства: Вельтман заметил, что при переводе Священного Писания были заимствованы из греческого только некоторые слова (*апостол, херувим, серафим, Евангелие* и т. п.), но «славяне имѣли слово *пророкъ*, и переводчикъ не нуждался въ слове *профитисъ*; слово *законъ* не замѣнилось словомъ *номосъ*; *въра* словомъ *πῶς*, и *невѣденіе* – словомъ *αγνῶσις* т. д.» (Вельтман, 1840, с. 40); славяне, «не умѣя писать, имѣли уже слово, выражающее это искусство; ибо слово *письмо*, писаніе не Греческое, и вмѣсто его учитель письмомень не нуждался въ Греческомъ *γραφι*, и Божественное, Священное писаніе не названо *βία Γραφι* – *Δεῖα γραφή*; слѣдовательно соотвѣтственное выраженіе было уже въ языкѣ» (Вельтман, 1840, с. 40).

Отношение Вельтмана к народному языку. Проясняя позиции славянофилов и западников по отношению к народному языку (пределы которого для первой трети XIX в. определить достаточно трудно, его называют и народным, и языком простого народа, и областными говорами), следует учитывать различие деклараций и реальных лингвистических установок: «1) славянофилы принцип народности не только в искусстве, но и в социальной жизни связывали с патриархальным крестьянством, которому приписывали все свойства русского характера, ума, духа <> 2) большинство славянофилов (кроме В. И. Даля) под народным русским языком понимали не реальные областные говоры, а некий абстрактный, идеальный народный язык, в состав которого входят прежде всего язык фольклора и древнерусских текстов исторического и сакрального содержания; 3) они в целом отрицательно относятся к диалектизмам и просторечию в художественном тексте, к различным подражаниям народным жанрам; 4) только В. И. Даль выступал за активное использование народных средств в литературном языке» (Чапаева, 2019, с. 242). Надо сказать, что Вельтман в своей языковой практике близок идеям В. И. Даля, выступавшего за расширение литературного языка за счет народных элементов. В исторических романах встречаются и диалектизмы (*братаничъ, буявий, игрица, куропатва, ластовка, нетуть, періе, пристьба, черевики, шугайка* и др.), и просторечия (*барчинокъ, скоромь* и др.), причем как в речи персонажей, так и в речи повествователя. По словам В. В. Виноградова, диалектизмы – это «характеристические показатели старины, как сохранившиеся осколки или куски древнерусской речи, как отражение прошлой жизни» (1959, с. 510). Именно таково отношение Вельтмана к диалектизмам: он использует народную лексику не только для стилизации устной речи, но и для стилизации древнерусского языка вообще. Он свободно вводит нелитературные элементы, расширяя лексический состав литературного языка. Язык фольклора и диалектов он считает вполне народным, национальным.

Заключение

Основные выводы состоят в следующем. Во-первых, выявлены позиция А. Ф. Вельтмана в контексте определяющей эпохи 1830-1840-х гг. дискуссии славянофилов и западников и его отношении к базовым оппозициям культуры: *свое ~ чужое, старое ~ новое, прошлое ~ настоящее, пространство и время. Свое, старое и прошлое* для писателя в приоритете как отражение национального, русского и в целом славянского. Такой подход сближает его со славянофильской позицией. Во-вторых, определено отношение Вельтмана к тем маркированным элементам, которые легли в основу лингвистических споров славянофилов и западников: *славянизмы, народный язык, заимствования*. Народный язык Вельтман, в отличие от большинства славянофилов, исключая В. И. Даля, воспринимает как неотъемлемую часть русского языка, свободно вводит диалектизмы и просторечные выражения в художественный текст. Что касается отношения к славянизмам и церковнославянскому языку, по крайней мере в современном ему состоянии, позицию писателя выявить не удастся, впрочем, вряд ли он воспринимал его как самостоятельную языковую систему в историческом прошлом, тем более что «патриархализм» и отношение к православию априори предполагают важную роль церковнославянской письменности в русской культуре. К заимствованиям из европейских языков Вельтман относится отрицательно, что сближает его с позицией славянофилов. В-третьих, частная оппозиция *пространство и время* во взглядах Вельтмана также перекликается с представлениями славянофилов: для них пространство и время предстают как некое единство, но в *прошлом*. Этим объясняется и склонность к архаике, т. е. древнему состоянию языка. Таким образом, назвать его славянофилом нельзя, но рефлексия по поводу русского языка оказываются во многом близкой славянофильским языковым установкам.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом историко-фантастических романов Вельтмана с точки зрения приемов архаизации языка, способов репрезентации древнерусской эпохи, исследованием как лексики, так и иных средств передачи языка Древней Руси.

Материалы исследования | Research materials

1. Вельтман А. Ф. Кошей бессмертный, былина старого времени. М.: Типография Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1833а. Ч. 2.
2. Вельтман А. Ф. Первобытное верование и буддизм. М.: Университетская типография, 1864.
3. Вельтман А. Ф. Песнь ополчению Игоря Святославовича, князя Новгород–Северского / пер. с древн. рус. яз. 12 столетия А. Вельтмана. М.: Тип. С. Селивановского, 1833б.
4. Вельтман А. Ф. Русская словесность // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. М.: Типография Н. Степанова, 1840. Кн. III.
5. Вельтман А. Ф. МММCDXVIII [3348] год: Рукопись Мартына Задека. М., 1833с. Кн. 2.

Источники | References

1. Акутин Ю. М. Александр Вельтман и его роман «Странник» // Вельтман А. Ф. Странник. М., 1977.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
3. Бухштаб Б. Я. Первые романы Вельтмана // Русская проза: сборник статей. Л.: Academia, 1926.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959.
5. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. Изд-е 3-е. М.: Высш. школа, 1982.
6. Галахов А. Д. Записки человека / вст. статья, сост. и коммент. В. М. Боковой. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
7. Грачева А. А. «Мысли о настоящей литературе» А. Ф. Вельтмана // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 1.
8. Завгородняя Г. Ю. Стилизация в русской прозе XIX – начала XX века: дисс. ... д. филол. н. М., 2010.
9. Калугин В. И. Романы Александра Вельтмана // Вельтман А. Романы / сост., вступит. ст. В. И. Калугина. М.: Современник, 1985.
10. Лейгуш А. Г. Этимологические дискуссии в журнале XIX века «Филологические записки» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34).
11. Павлов Т. В. История русского языка в представлениях А. Ф. Вельтмана // Говор: альманах. 2024. № 8.
12. Чапаева Л. Г. Культурно-языковая ситуация 30-40-х годов XIX в. и споры славянофилов и западников // Культурология. 2008. № 2 (45).
13. Чапаева Л. Г. Н. И. Надеждин и славистика // Славистика XX (2016) / глав. ред. П. Буняк. Белград, 2016.
14. Чапаева Л. Г. Языковая рефлексия в спорах славянофилов и западников 1840-х годов: монография. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019.
15. Чумаченко А. А. Вельтман А. Ф. // Русские писатели, XIX век. Библиографический словарь: в 2 ч. Изд-е 2-е, дораб. / редкол.: Б. Ф. Егоров и др.; под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1996. Ч. 1. А-Л.
16. Щалпегин О. Н. Своеобразие художественного мира романов А. Ф. Вельтмана: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1999.
17. Ягич И. В. История славянской филологии. М.: Индрик, 2003.

Информация об авторах | Author information**Павлов Тихон Валерьевич¹****Чапаева Любовь Георгиевна²**, д. филол. н., проф.^{1,2} Московский педагогический государственный университет**Tikhon Valerjevish Pavlov¹****Lyubov Georgievna Chapaeva²**, Dr^{1,2} Moscow Pedagogical State University¹ pavlt98@mail.ru, ² lg4@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 27.03.2026; опубликовано online (published online): 21.04.2026.

Ключевые слова (keywords): А. Ф. Вельтман; языковая ситуация; состав русского литературного языка; базовые оппозиции культуры; A. F. Veltman; linguistic situation; composition of the Russian literary language; basic cultural oppositions.